В очередной раз жители Славкенберга праздновали наступление золотого века, обещанного их Восстанием.

Этот день ознаменовал собой первый полный оборот планеты вокруг своей звезды с тех пор, как Восстание разорвало цепи жестокого гнета Империума. Хотя они по-прежнему следовали имперскому календарю в официальных документах (поскольку, как сказал Освободитель, им не стоило забывать об угрозе со стороны своих бывших повелителей), местный год, в силу очевидных причин, по-прежнему оставался значительно более популярной альтернативой имперскому летоисчислению.

Во главе рядов солдат, закованных в алые панцирные доспехи, стояла избранная элита Объединенной Армии Славкенберга, которой была предоставлена привилегия носить совершенно новую силовую броню, разработанную за последние несколько месяцев Несущими Обновленное Величие. Даже для непосвященных это было чудо инженерной мысли с удивительно быстрыми и плавными движениями, несмотря на размеры. Согласно публичным объявлениям, та броня уже была использована с большим успехом при очистке Дара Эмели от различных тварей, что прятались в глубинах колоссального Скитальца.

И все же, после прибытия Дара Эмели эта броня была меньшим из даров Несущих для Славкенберга. Освободившись от догматических ограничений своих хозяев-Механикус, тяжким трудом Несущие совершили чудо. В своих лабораториях они создали чудесную сыворотку, способную исцелить любые болезни. Эта Панацея, названная в честь древнего мифа со Старой Земли (ибо они не должны забывать своих корней, даже если родной мир Человечества превратился в центр имперской тирании), могла исцелить любую рану и вылечить любую болезнь.

Это было чудо, по слухам доступное лишь наиболее влиятельным лордам Империума, было бесценным ресурсом, ревниво охраняемым сильными мира сего. Но когда было объявлено о существовании Панацеи, сам Освободитель заявил, что ее благословения будут доступны всему населению. Для этого были завербованы и обучены десятки тысяч человек, которых обучали основам медицины и работе с инжекторами Панацеи, разработанными Несущими. Были построены огромные сооружения, производящие живительную сыворотку в огромных количествах — хотя одной инъекции Панацеи было достаточно для большинства болезней, спрос на сыворотку по всей планете создавал огромную нагрузку, с которой Совет Освобождения боролся по мере своих сил.

Уровень заболеваемости на Славкенберге снизился из-за неуклонного повышения уровня жизни после Восстания, но сыворотка практически уничтожила остатки болезней. Наряду с распределением Панацеи, недавно обученным медикам также было поручено обучать население профилактическим мерам, что поддерживалось образовательным общественными трансляциями по этому вопросу.

Наряду с ними были запущены и другие образовательные проекты для борьбы с общим невежеством, которое Гиорба навязывали своим подданным. Одним из них было строительство открытого для всех музея в Кайнополе. В нем, наряду с объектами культурного и исторического значения, захваченными из частных коллекций знати во время Восстания, были выставлены на обозрение и артефакты с Дара Эмели, которые были сочтены безобидными. Также были представлены изображения и сохранившиеся останки некоторых ксеносозверей, с которыми отважные солдаты столкнулись в глубинах Скитальца , хотя ни для кого не было секретом, что самые страшные из них были запрещены к показу, чтобы не травмировать самых юных и впечатлительных посетителей.

***

По ту сторону занавеса, отделявшего меня от сцены, были слышны сотни и тысячи возбужденных голосов. Там собрались люди со всего Славкенберга, выбранные наугад из своих общин бюрократами Джафара и отправленные в столицу в рамках празднования. Через несколько мгновений мне нужно будет выйти туда и произнести перед ними речь, которая будет транслироваться в прямом эфире по всей планете. По правде говоря, я почти не готовился к ней: к этому моменту мне казалось, что я мог бы зачитать пламенную речь даже во сне. Сейчас же я просто наслаждался эти моментом относительного спокойствия и изоляции.

Официально нынешние общепланетарные празднества отмечали годовщину Восстания и (более или менее) успешный захват Дара Эмели. Конечно, еще оставались неисследованными целые участки космического скитальца размером с город: четыре месяца было не достаточно для того, чтобы исследовательские группы ОАС смогли составить карту всей этой громадины. Но было расчищено как раз достаточно, чтобы борги начали переводить чудовищную мешанину кораблей поближе к Славкенбергу, где он станет мощной, хотя и… весьма неортодоксальной орбитальной оборонительной станцией.

Мне было немного жаль солдат, которым пришлось выполнять всю самую опасную работу после моего отбытия, но, конечно, не настолько, чтобы вернуться туда. По крайней мере, они так и не столкнулись ни с чем разумным, а звери, с которыми им пришлось иметь дело, были и вполовину не так смертоносны, как найденные мною дремлющие генокрады. Трупы хитиновых монстров были перевезены на планету, и Тесилон-Каппа поручил небольшой группе магосов-биологов как можно тщательнее препарировать и изучить их.

Я осторожно осведомился о характере этих исследований, и меня заверили, что их единственной целью было узнать наилучшие способы истребления тварей на случай, если на Славкенберге появятся новые тираниды. Учитывая, что для победы над Великим Пожирателем потребовалась вся мощь Ультрамаринов, я не возлагал на эти исследования больших надежд, но, кто знает, может они придумают что-то, что даст мне достаточно времени скрыться, если осколок Роя-флотилии все же прибудет в систему.

Что же касается самих солдат, то я позаботился о том, чтобы все они были должным образом награждены, как новенькими медалями, что я вручил им лично, так и поощрениями и денежными наградами. По словам Юргена, в настоящее время они изо всех сил старались потратить всю свою зарплату в столичных барах, игорных домах и других увеселительных заведениях — хотя я почему-то сомневался, что они собирались платить за выпивку деньгами, а не историями о своих похождениях.

Любопытным фактом, который я заметил после Восстания, было то, что местные жители ну очень охотно хватались за любой предлог отпраздновать и повеселиться, за что, после нескольких поколений правления Гиорбы, я вряд ли мог их винить. Кроме того, организация празднеств заставляла культы Слаанеш под управлением Служанок ради разнообразия заниматься чем-то полезным (управление общепланетарными празднованиями, как оказалось, было настоящим логистическим подвигом). Учитывая, что в прошлый раз, когда культы Слаанеш на Славкенберге страдали от скуки, дело закончилось вознесением новой Принцессы Демонов, я считал, что лучше пусть эти маньяки тратят свое время на приготовление пищи, варку алкоголя и организацию парадов.

Кроме того, вынужден признать, что у них было много поводов для радости. Панацея превзошла все мои самые смелые ожидания. Приказав Тесилон-Каппе сделать чудодейственное вещество общедоступным, я преследовал невысказанную цель нанести вред

экономике планеты и занять боргов на долгие годы попытками совершить невозможное. В конце концов, я знал, что у Империума есть доступ к лечебным технологиям, которые, даже уступая в эффективности Панацее, могли искоренить большинство болезней, разоряющих подульи, но экономические соображения не позволяли использовать их массово. Борги точно не могли сказать в лицо своему славному Освободителю, что он был полным идиотом, не после того, как я намеренно максимально публично пообещал всеобщий доступ к лекарству, так что я ожидал, что усилия боргов по реализации моего абсурдного предложения по крайней мере замедлят продолжающийся экономический подъем Славкенберга.

Очевидно, я недооценил знания древних, разработавших Панацею, потому что производство сыворотки оказалось намного проще, чем я думал. Согласно последним данным клерков Джафара, когда лекарство от всех болезней и травм стало общедоступным, производительность труда только еще больше возросла. Солдаты ОАС, размещенные на Даре Эмели, тоже извлекли немалую пользу из лекарства: послушать генерала Малоне, так потери были бы в десять раз выше без Панацеи. Единственное, что она не могла вылечить, так это потерю конечности, но даже так она значительно облегчала пересадку выращенной в чанах замены.

В общем, Панацея оказалась чудесной технологией, которая в руках Империума могла бы спасти жизни бесчисленных миллиардов гвардейцев, не говоря уже о жизнях мирных жителей. А это означало, что мое решение выдать ее за изобретение боргов было правильным, потому что, когда (а не если) слухи о ее существовании распространятся за пределы нашей системы, только факт «создания» ее еретиками защитит нас от легионов скитариев и техножрецов, одержимых желанием запустить свои грязные механодендриты в древнюю технологию.

По сравнению с сывороткой, силовая броня, легко подгоняемая под нормального человека, почти разочаровывала своей обыденностью. Не то чтобы эта технология не была невероятна сама по себе, конечно: по сравнению с этой силовой броней наши старые панцирные доспехи казались не прочнее мокрой бумаги. Я понятия не имел, была ли наша броня лучше доспехов Ангелов Смерти, но был точно уверен, что она по крайней мере превосходила броню Сестёр Битвы во всех отношениях. Я все еще не стал бы ставить на то, что маниакальная одержимость и кровожадность культистов Кхорна из ОАС были сильнее, чем у Адепта Сороритас.

Тесилон-Каппа предложил построить прототип брони для моего личного пользования, но вместо этого я перенаправил его внимание на оснащение солдат, действительно рискующих своими жизнями в кошмарной мешанине древних кораблей, отправленной в нашу систему Принцессой Демонов. Мысль о лучшей защите была заманчивой, но я не мог носить ее под одеждой, как панцирную броню, и у меня все еще было достаточно совести, чтобы дать бедным ублюдкам, застрявшим на этом корыте, лучший шанс на выживание, даже если они и были культистами. Лидер боргов принял мои доводы без вопросов, хотя он все же добился обещания, что я позволю создать для себя броню в будущем, как только ситуация на космическом скитальце стабилизируется. Что собственно и случилось, так что в ближайшее время он снова начнет надоедать мне.

В базе данных были и другие схемы, и борги уже предвкушали начало работы над ними, но я настоял на том, что пока Панацея не будет полностью интегрирована в общество Славкенберга и не будут построены линии по сборке силовой брони, никаких новых «открытий» лучше не совершать. Даже после этого должно пройти достаточное количество времени, чтобы ложь о том, что все это было изобретениями самих боргов, стала хоть немного правдоподобной. Таким образом, мне удалось выиграть время перед новой головной болью. Конечно, я понятия не имел, что такое «гиперфазовая система связи, основанная на квантовой запутанности» или «многоцелевой автоматизированный рабочий механизм», а перевозбужденная болтовня Тесилон-Каппы ничего не прояснила. Но моя интуиция подсказывала мне, что в принципе

любой из них мог стать поводом для Механикус убить нас всех.

Выходя на сцену, я размышлял про себя, что, несмотря на мои опасения и откровенные попытки саботажа, дела шли хорошо. Пугающе хорошо. Я ждал, когда маятник успеха качнется в другую сторону, абсолютно уверенный, что последствия нам точно не понравятся. Однако даже в самых параноидальных своих фантазиях я не мог предположить, какую форму в конце концов примут наши новые неприятности, и это было к лучшему: знай я тогда глубину опасности, с которой мне вскоре придется столкнуться, я бы просто с воплями убежал со сцены прямо на виду у пикт-вещателей, что вряд ли соответствовало бы моей репутации.

***

Древние и бесценные устройства окружили комнату полем, препятствующим ведению любых записей, психической слежке, удаленному наблюдению, разрядам энергетического оружия, ноосферному доступу, вокс-связи и многому другому. Единственным источником света в комнате служила старинная люстра, а на стенах висели картины мастеров из полдюжины Секторов, что вызывали тревогу неявными тенями, танцующими на их поверхности.

В кругу антикварных кожаных кресел сидели шестеро самых могущественных мужчин и женщин Сегментума, каждый из которых являлся гордым носителем Инквизиторской Печати, указывающей на их принадлежность к Святым Ордосам Его Божественного Величества. Воздух в комнате был наполнен интригами, и хотя ни у кого из присутствующих не было оружия, только дурак мог подумать, что это делало их менее опасными — не то чтобы собравшимся здесь индивидам требовалось оружие, чтобы войти в число наиболее опасных людей во всем Империуме.

«Что, во имя Императора, я вообще здесь делаю?»

Эмберли, конечно, знала ответ. Чтобы понять его, не нужно было быть Инквизитором, но сама ситуация оказалась настолько нелепа, что просто отрицала любую попытку логически принять ее.

Она прибыла в этот мир в качестве члена Ордо Ксенос по следам картеля, занимающегося торговлей запрещенными ксено-артефактами. Планета находилась далеко от основных варп-маршрутов в Секторе, но рядом с достаточным количеством полустабильных проходов, что делало ее ценной для местных торговцев.

Когда она показала свою инсигнию, чтобы запугать торговца и выведать все, что он знал о своих контактах на черном рынке, мужчина вместо этого повел себя так, как будто она опоздала на вечеринку, и вежливо провел ее в эту комнату, прежде чем вернуться в свой магазин. Она последовала за ним из осторожного любопытства, но едва смогла скрыть потрясение, когда узнала в присутствовавших на встрече инквизиторов. И это были не обычные Инквизиторы, если такие вообще существовали.

Не считая ее, самому молодому инквизитору в комнате было по крайней мере три столетия. Она знала их всех по репутации и именам, которые они выбрали (не и рождения, конечно), хотя это был первый раз, когда она встречала кого-либо из этих прославленных старейшин лично. Они были одними из самых могущественных инквизиторов в этом Сегментуме, каждый из них был ветераном бесчисленных сражений и заговоров, что угрожали святости владений Его Императорского Величества. Целые сети оперативников с разных Секторам поставляли им информацию, команды Дознавателей выполняли их приказы, целые армии двигались по их приказу, Лорды Секторов прислушивались к их предложениям, и миры сжигались по их воле.

Вся эта власть в их распоряжении, и все же они проводили время, ссорясь, как дети, играя в подпитываемые паранойей политические игры друг против друга и оставляя за собой кучу сломанных жизней. По крайней мере, так они сдерживали друг друга, размышляла Эмберли. Лучше уж скрытые конфликты заговоров и политики, чем безумие и беспредел открытой войны. Конечно, о последнем до нее только доходили слухи, потому что Ордосы скрывали свои провалы даже лучше, чем свои секреты. Но когда Инквизиция вступала в войну сама с собой, последствия для всего Империума были столь же разрушительными, как и стоило ожидать от войны кучки древних фанатиков с огромными ресурсами и неограниченной властью.

Эмберли, которая по стандартам Инквизиции была еще очень молода, чувствовала себя на таком собрании очень неуместно. Судя по взглядам, которые бросали на нее присутствующие, было ясно, что они думали так же. Скорее всего, они решили, что она была здесь, как представитель кого-то другого, кто должен был занять это место, но задержался (и который, милостью Императора, не собирался ворваться в комнату в любую секунду и спросить, что это за выскочка заняла его кресло). В конце концов, не могла же она узнать местонахождение их тайного места встречи по абсолютной, будь она неладна, случайности?

Она не знала наверняка, что ее не убьют, если другие инквизиторы поймут, что она оказалась здесь случайно, хотя бы из-за явного унижения от того, что она вообще наткнулась об это место. Так что она собиралась сделать все в ее силах, чтобы подыграть им, пока не выберется из этой комнаты и планеты и не вернется к разумной и безопасной работе… вроде отслеживания торговли ксено-артефактами в Секторе.

«Если больше не будет неожиданных гостей», — сказала высокая темнокожая женщина, в которой Эмберли совершенно точно опознала инквизитора Лорки, опытную охотницу на ксеносов и один из самых известных голосов, заявляющих о важности борьбы с некронской угрозой, — «Тогда давайте начнем. Мы собрались здесь сегодня, чтобы обсудить недавние события в системе Славкенберг и гибель нашего коллеги Федора Карамазова от рук ренегата Киафаса Каина».

«Насколько мы уверены в официальной версии произошедшего?» — спросил человек с двумя светящимися аугметическими глазами на лице, на котором было больше шрамов, чем кожи. Это был лорд-инквизитор Мортешейд из Ордо Маллеус, который, согласно легенде, сто лет назад вырвал себе оба глаза, чтобы встретиться лицом к лицу с Адской Герцогиней на Нерктениате III, и не потерять при этом душу. Он был фанатичным пуританином, который с отвращением относился даже к использованию санкционированных, связанных с Троном псайкеров.

«Перед взрывом флагмана, астропат Карамазова разослал сообщение, в котором резюмировал случившееся», — объяснила Лорке. — «У сообщения не было конкретного пункта назначения, но оно было зашифровано стандартными инквизиционными шифрами, и мой хор астропатов расшифровал его. Согласно последней передаче, защита корабля была взломана колдовством, и лидер еретиков поднялся на борт вместе с отрядом элитных солдат, перебив защитников. Пока большая часть этой группы атаковала зоны с системами Экстерминатуса, чтобы не допустить разрушения планеты, их лидер отправился прямо к самому Карамазову и убил его в поединке… то, что транслировалось по всей планете, поскольку Карамазов транслировал свои завыв… проповеди в прямом эфире».

Никто не пропустил ее секундную оговорку, хотя комментариев не последовало.

«При всех многочисленных недостатках Карамазова, он все же был хорошим бойцом», — нахмурившись, сказал Лоркус Фрехт. Как и Мортешейд, Фрехт был членом Ордо Маллеус, но

на этом сходство между двумя мужчинами заканчивалось. Фрехт был псайкером значительной силы, и до нее доходили мрачных слухи об обвинениях в радикализме — хотя ни одно из них так и не было доказано в достаточной степени, чтобы удовлетворить конклавы судей во всех делах над худым, безобидным… весьма привлекательным мужчиной, сидевшим прямо напротив Эмберли. — «И все же лидер еретиков был убежден, что сможет победить его в одиночку?»

Эмберли пришлось сдержаться, чтобы не усмехнуться, даже несмотря на то, что она была согласна с его точкой зрения. «Недостатки»? Карамазов был безумцем, пародией на Инквизитора прямо из кошмаров еретиков, что убил гораздо больше невинных, чем виновных. Концепция «приемлемых потерь» была основным принципом Святых Ордосов, но всегда существовала граница, за которой приходилось задаваться вопросом, не будет ли простое убийство каждого встреченного человека примерно столь же эффективным, как методы Карамазова. Единственная причина, по которой его не убили уже давно, заключалась в том, что, несмотря на все свое безумие, Карамазов обладал определенной хитростью в сочетании с беспощадностью, и к тому же был отличным бойцом.

«Очевидно, его уверенность оправдалась», — ответила Лорки. — «Что мы знаем об этом «Кайафасе Каине»?»

«Разочаровывающе мало», — ответила женщина с фарфорово-белой кожей и неприятным шрамом на шее, объясняющим хриплый голос. Это была Калиад Шейн, член Ордо Еретикус и знаменитая Охотница на Ведьм, что несколько раз сражалась вместе с членами Адептус Астартес и чаще всего проявляла активность на мирах, которые либо стояли на грани открытой войны либо уже были полностью охвачены ей. — «Он недавно закончил Комиссариат, а они не любят тех, кто пытается расследовать их сотрудников, даже падших еретиков вроде него. Однако, учитывая, что он был назначен на Славкенберг всего за несколько лет до восстания планеты, у меня есть подозрения».

«Какие «подозрения»?» — прорычал Танненбург, известный Охотник на Ведьм из Ордо Еретикус черный кожаный плащ которого настолько очевидно указывал на его статус, что его бы не переплюнул даже летающий над головой сервочереп с плакатом: «Это Инквизитор». — «Произошедшее очевидно. Этот Каин все это время был притворяющимся еретиком, что проскользнул через все проверки Схолы. Иначе как выпускник вообще мог быть назначен в СПО планетки в самой глуши?»

«Мои люди обнаружили некоторые нарушения в его назначении», — признала Шейн. — «Очевидно, он подкупил ответственного за его документы адепта, чтобы получить этот пост».

«Чего не сделал бы ни один настоящий комиссар, поскольку такие задания предназначены для слабых, старых и немощных», — заявил Танненбург. — «Вот, тайна раскрыта».

Лично Эмберли чувствовала, что в этой истории было нечто большее, но не не имела желания привлекать к себе внимание, упоминая об этом вслух.

«И что же», — продолжал Танненбург, — «нам с этим делать? Славкенберг не такая уж большая потеря, но то, что сделал Карамазов, — это отдельная история. Этот болван своими действиями ослабил позиции Империума во всем Секторе. Милитарум до сих пор не оправился от чисток, совершенных его слугами. Мы уже пострадали от последствий этого на нескольких фронтах, поскольку враги Человечества воспользовались нашим замешательством для собственных атак. Мы уже потеряли систему Дезолатия из-за Тиранидов, и полдюжины восстаний, которые должны были быть подавлены к настоящему времени, все еще опустошают

инфраструктуру и подрывают власть Его Святейшего Величества, потому что ответственные за эти операции офицеры были казнены головорезами Карамазова. С этим нужно что-то сделать».

«Согласен», — кивнула Шейн. — «По крайней мере, все ответственные за это аколиты погибли вместе со своим хозяином в Славкенберге, так что нам не придется выслеживать их, чтобы умилостивить Милитарум. Между тем, нашим решением может стать лорд-генерал Живан. Он самый высокопоставленный оставшийся в живых старший офицер Имперской Гвардии, и мы можем позаботиться, чтобы его вознесение прошло как можно более гладко».

«Живан?» — фыркнул Фрехт. — «Этот человек грубиян и невежа. Он хороший командир в полевых условиях, соглашусь с ним, но это не значит, что он подходит для интриг высших эшелонов. У него нет опыта расчетов и компромиссов, необходимых на уровне командования сектора».

«Я думаю, ты его недооцениваешь», — парировала Шейн. — «Он способен быть прагматичным, когда это необходимо, и не разбрасывается жизнями своих солдат, как этот вырожденный имбецил Ченков».

Два инквизитора тяжело посмотрели друг на друга. Эмберли должна была отдать им должное, они были очень хороши в этом. Она встречала еретиков и ксеносов, которые от одного такого взгляда начали бы молить о пощаде. Конечно, она и сама так умела, каждый инквизитор должен уметь заставить кого-то потеть от страха без слов, одним лишь взглядом, это было традицией, но уровня этих двоих она еще не достигла.

«А что скажет юная леди?» — спросила Лорке, дипломатично встревая в разговор, прежде чем ситуация могла обостриться.

Спасибо большое, мысленно выругалась Эмберли, не оценив того, что ее сделали центром внимания, просто чтобы два высокопоставленных члена Ордосов не передрались, как дети.

«Я присутствую здесь только в качестве наблюдателя», — сказала она вслух. Что, если подумать, даже не было ложью. — «Но поддержка Живана кажется мне лучшим из доступных нам прямо сейчас вариантов. Даже если он окажется несостоятельным, его всегда можно заменить позже. Сейчас любой вариант действий лучше, чем ничего не делать».

На мгновение наступила тишина, и остальные пятеро молча переглянулись, а затем один за другим кивнули.

«Тогда мы все согласны», — сказал Мортешейд. — «А что насчет Славкенберга?»

«А что насчет него?» — насмешливо переспросила Шейн. — «Ты сам сказал: это захолустье, и его потеря едва ли станет ударом для Империума. Трон, может быть, захват их места отдыха еретиками заставит остальную элиту Сектора наконец начать выполнять свою работу. Еретикам повезло в отбиться от Карамазова, да, но удача может только завести их до сих пор. Без сомнения, однажды кто-то найдет время, чтобы отбить эту планетку, а у нас сейчас есть гораздо более насущные проблемы».

«Это ошибка», — предупредил Танненбург. — «Если дать порче время разрастись, ее будет только труднее искоренить».

«Это всего лишь один мир», — возразил Фрехт. — «По большому счету, он вряд ли имеет большое значение».

Увидев реакцию остальных на слова псайкера, Эмберли почувствовала, как у нее похолодела кровь, потому что все они разделяли это мнение. Для них один мир был ничем, если только он не имел какой-то стратегической важности для всего Империума – и, судя по тому, что она слышала, никакой важностью Славкенберг не располагал. Тем не менее, это была имперская планета, и ее жители не должны были остаться в рабстве у нечестивых сил, которым служило восстание.

В конце концов, Танненбург согласился кивком и встал, чтобы уйти. один за другим Инквизиторы последовали за ним, пока последней не ушла Лорке, оставив Эмберли одну. Она тут же встала и спокойно вышла из помещения на улицу, кивнув по пути торговцу.

Быстрый взгляд вокруг подсказал ей, что другие инквизиторы уже ушли. Хорошо. Теперь Эмберли могла покинуть эту планету и благополучно забыть о случившемся. Были и другие следы, по которым она могла следовать в погоне за сетью торговцев ксено-артефактами. В конце концов, ее путь никогда не пересечется с этим Кайафасом Каином. Она была членом Ордо Ксенос и собиралась сделать все возможное, чтобы не приближаться к Славкенбергу, чтобы другие члены этой группы — и, что наиболее важно, Инквизитор, которого она случайно заменила, словам «представительницы» которого остальные пятеро последовали без вопросов — не поймали ее.

***

«Благородный Архонт, я пришел по вашему зову», — провозгласил Иерарх Саревок, преклонив колени перед темным троном своего сюзерена.

Стоять на коленях в этой комнате всегда было неудобно из-за покрывавшего пол ковра из сшитых вместе щенков псовых, что делало его довольно неровным. Гомункул, которому Архонт заказал его, позаботился о том, чтобы у зверей не было голосовых связок, чтобы избежать их мешающего разговору постоянного тявканья, но они все еще могли чувствовать боль и корчились под острыми краями доспехов Саревока, бесплодно пытаясь отползти от него.

Ковер был не единственным образцом искусства скульптора плоти в этой комнате. Трон Злобного Сердца состоял из тел его поверженных соперников, по крайней мере трое из которых, насколько знал Иерарх, были его родственниками. Их жизнь поддерживали различные инжекторы и постоянная фоновая агония другой живой мебели в комнате, а также дюжина свисающих с потолка рабов боли, чтя обнаженная плоть была покрыта сочащимися ранами там, где их ударил Архонт.

«Я получил известие из галактики за пределами нашего темного царства, мой слуга», — сказал сидящий на троне. Его древний голос был неприятным хрипом, источавшим холодную злобу и безграничную жестокость. Таков был голос Шива Злобного Сердца, поднявшегося до ранга Архонта по изломанным и вопящим телам поверженных соперников. — «Ты помнишь триумф Аурелии некоторое время назад? Когда она приняла вызов нашего дорогого Верховного Повелителя отравить всю так называемую империю мон-кей?»

Презрение в голосе Злобного Сердца было очевидным, но господин Саревока никогда бы не осмелился так открыто заявить о своих чувствах на публике. Только здесь, в самом сердце цитадели Кабала, он чувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы открыто выражаться о своем бывшем сообщнике Верховном Повелителе.

«Да, мой господин», — послушно ответил Иерарх. — «Слухи об этом гуляли по всему Темному городу и дошли даже до столь ничтожных людей, как я в то время».

«Ох, точно. Это было до того, как я сжалился над тобой, не так ли?» — Архонт захихикал, и этот звук заставил рабов боли в комнате вздрогнуть. Саревок никак не отреагировав на эту колкость. Внезапно веселье его хозяина исчезло так же быстро, как и появилось: «Меня действительно раздражает, знаешь ли, насколько на этом нажилась эта сука. Даже сейчас она держит эту игрушку мон-кей в хранилище, как символ своего достижения».

По правде говоря, Саревок думал, что его хозяин преувеличивает. Прошло много лет с тех пор, как леди Малис организовала разрушение мира-кузницы мон-кей, забрав в процессе Панацею - одну из их драгоценных технологических реликвий, из пепла и лишив паразитов их предполагаемой способности исцелять любые виды травмы, болезни и отравления. В то время это был настоящий переворот, но сейчас это уже были старые новости. Малис впала в немилость и была изгнана из своего двора Вектом после того, как она ему наскучила (или, возможно, он испугался, что она станет его потенциальной соперницей за статус и влияние). Однако с тех пор она пробралась обратно к власти, с которой мало кто из архонтов мог сравниться, и, хотя Саревок знал, что лучше не говорить об этом вслух и даже не думать об этом слишком часто, Шив Злобное Сердце не был среди них.

Что вероятно и было причиной странной одержимости этого старого монстра. Зависть была могущественной силой и служила одной из основных движущих сил Комморага, наряду с ненавистью, злобой, жестокостью и вездесущей потребностью причинять страдания другим, чтобы умилостивить Ту-Кто-Жаждет.

«Но вот в чем дело, мой дорогой Саревок», — продолжил Архонт, явно наслаждаясь моментом. — «Аурелия так гордилась своим достижением, но я узнал, что была найдена еще одна копия этой «Панацеи». Более того, ее уже используют для исцеления жалких недугов миллионов мон-кей».

После стольких циклов, проведенных в качестве правой руки Злобного Сердца в Кабале, Саревок хорошо разбирался в обычаях Темного Города и сразу же понял значимость открытия своего хозяина.

«Если бы леди Малис узнала об этом…»

«Она была бы в ярости, не так ли? Но, хотя на это и было бы забавно посмотреть, у меня есть другие, более грандиозные планы».

«Если позволите спросить, мой господин», — осмелился сказать Саревок, делая ставку на хорошее настроение своего господина, чтобы избежать выговора, — «как вы узнали об этом? Я даже не слышал ни единого слуха на эту тему».

«Маленький клоун пришел и спел для меня», — ответил Архонт, и Иерарх невольно вздрогнул. Даже здесь, в Темном Городе, у слуг Цегораха была определенная… репутация. По указу Верховного Властелина никто не смел их тревожить, пока вершили свои странные дела. В Комморагe они были столь же неприкосновенны, как и на борту ненавистных миров-кораблей.

«Понятно. Значит, от кого-то с вашей мудростью не ускользнет мысль, что они рассказали это, чтобы манипулировать вами и заставить напасть на этот мирок». — Он не сформулировал это как вопрос, ибо долгий и болезненный опыт не дал ему совершить эту ошибку.

Злобное Сердце усмехнулся: — «Очевидно. Но не волнуйся, мой верный слуга. Я не собираюсь просто бросаться в бой».

«Конечно. Могу я спросить, как ваше превосходительство намеревается сбить с толку слабые

умы мон-кеев и превзойти планы, что плетут арлекины?»

«Не можешь», — резко ответил Архонт, с подозрением глядя на Саревока. — «Об этом должен знать только я, а у тебя тем временем будет много дел. Кабал Убийственной Смерти должен быть готов к новой охоте. Собери воинов и подготовь наш флот. Свяжись с инкубами и ведьмами Порочного Поцелуя и заплати за их услуги».

«Как пожелаете, мой господин». — ответил Саревок, глубоко кланяясь в покаянии. Ему пришлось бороться со всеми своими инстинктами, чтобы подставить шею хозяину, но благодаря многолетней практике ему это удалось.

«Убирайся», — приказал Архонт взмахом левой руки, а правая сомкнулась на горле ближайшего раба боли, вызвав жалкий болезненный вой. — «Мне нужно расслабиться, а потом я приступлю к работе».

Уходя, Саревок услышал слова господина, что тот пробормотал себе под нос, прежде чем начались крики. — «Я им всех проучу. Сначала «Освободителя», потом эту шлюху и, наконец… этого мерзкого выскочку Векта».

http://tl.rulate.ru/book/89867/3185214